

БЫЛОЕ И ДУМЫ (Штрихи к портрету А. А. Ауэрбаха)

Ауэрбаху в эту ночь не спалось. Он поднялся с дивана, накинул теплый халат и подошел к окну. Через морозные узоры едва пробивался рассвет. На светло-сером небе отчетливо рисовались контуры елей, над которыми занималась заря. Не зажигая огня, он надолго задумался.

Сладко заныло сердце от воспоминаний о родном Кашине, о чопорном Петербурге, о выпускном вечере в горном корпусе и золотых погонах поручика, о бессонной и счастливой ночи на набережной Невы. Потом с самого дна перегруженной памяти вырисовалось вызывающе молодое, но уже бородатое лицо острого на язык отставного офицера Льва Толстого, а вслед за ним и юное личико Софьюшки... Эх, как бежит время!

За окном скрипнули полозья. Ауэрбах вздрогнул и опомнился. Нет, не жалел старый инженер ни о Кашине, ни о «Северной Пальмире», ни о несостоявшейся профессуре. Всем сердцем и помыслами был он с полюбившимся Уралом, что стал для него и радостью, и болью, и судьбой.

В свои 37 лет довелось ему побывать и за границей, и в печально знаменитой шахтерской Юзовке, и в средней полосе, но по душе пришелся только Северный Урал.

Долгим, но приятным был его путь в Богословский горный округ, куда он был назначен главным управляющим. Приятным потому, что здесь ждала его настоящая творческая работа. Эту работу не могли заменить ему ни столичное величие, ни фешенебельные апартаменты, ни гарантированное повышение согласно табели о рангах.

Чем ближе к Уралу, тем беспокойнее на душе. Он никогда не относился к своим обязанностям формально, и сейчас уже был готов весь без остатка погрузиться в сложный мир обязанностей главного управляющего.

Позади уже неказистая Пермь, чумахая мастеровая Кушва, купеческое Верхотурье и, наконец, Турьинские Рудники: голубая тайга, непуганое зверье и богатые недра.

Особенно активно отговаривал Ауэрбаха от поездки на Урал его лучший друг по альма-матер.

— Послушай, Александр, ну зачем тебе эта тьмутаракань. Туда уголовников в кандалах везут, а ты по, доброй воле. Ну не чудак ли человек?

— Ничего-ничего, — лаконично отвечал инженер.

Округ и в самом деле оказался медвежьим углом без сколько-нибудь сносных путей-дорог, с суровым климатом, со ссыльными изгоями да беспаспортными беглецами. Но как раз вот эти внешние атрибуты меньше всего пугали Александра Андреевича. Он был всецело поглощен делами на медеплавильном заводе, медных рудниках и золотых приисках. Как вол впрягся в многотрудную работу организатора горнозаводского дела, в которую входило все: экономика, наука, производство.

Результаты его напористости, деловой хватки и инженерской смекалки не заставили долго ждать. В первый же год его правления Богословский завод выплавил 50 тысяч пудов меди вместо 17. Почти 300 процентов. Это ли не удача?!

Ход его мыслей неожиданно прервал мягкий голос Софьи Павловны:

- Ты что это поднялся, Александр? А ну-ка, в постель! Пора принимать микстуру.

Она уложила мужа на диван, поправила подушки.

—Вот так будет лучше.

—Ничего-ничего,— добродушно пробормотал Ауэрбах, смущенно улыбаясь супруге.

Софья Павловна включила ночник, и из золоченой рамы на Ауэрбаха глянул благообразный мужчина с густой шевелюрой и окладистой бородой.

— Ничего-ничего, перезимуем,— улыбнулся он своему изображению.

После выпитого лекарства настроение почему-то испортилось. В голову лезли одни неприятности: ухудшающееся здоровье, раздоры с вышестоящими чиновниками, трения со снабженцами. Не все получалось и в заветной металлургии.

...Усилием воли он гнал от себя мрачные мысли, но они, словно черное воронье, делали круг и возвращались обратно. Мало-помалу он успокоился и задремал. Софья Павловна погасила свет и тихо вышла из кабинета.

Болезнь мужа не на шутку встревожила Софью Павловну. Сколько она помнила, могучее здоровье никогда не подводило Александра, несмотря на его постоянную физическую и умственную перегрузку, а вот поди ж ты...

Проснулся он посвежевший и повеселевший. Косые лучи солнца падали прямо на письменный стол, заваленный ворохом бумаг. «За работу!» — встрепенулся было он, но ощутив слабость во всем теле, откинулся на подушки.

Океан чувств снова нахлынул на Ауэрбаха, но на этот раз они не тревожили, а согревали душу. Так было всегда, когда дело касалось его детища — горного училища. 1884 год стал годом его открытия. Построить и открыть училище заставила сама жизнь. И в самом деле: не выписывать же каждого штейгера за тридевять земель!

Не жалевший себя Ауэрбах и заведование училищем по обыкновению взвалил на свои плечи.

Вскоре проблема с кадрами в округе была решена. Училище в течение долгих Лет стало кузницей своих «доморощенных» специалистов.

...В гостиной пробили часы, и его пригласили к завтраку. Он нехотя поковырял в тарелке, выпил чашку кофе и вернулся в кабинет. Сел было к рабочему столу, но работать не смог — слабость в теле не проходила. Он снова устроился на диване — прикрыл ноги пледом и опять задумался. И незаметно для себя под завывание сердитого ветра за окном начал дремать.

И почудилось старому инженеру, что в' небе появилось мартовское солнце, голосистой морзянкой зазвенела капель и снова загуляла над Уралом талая голубень...

И. САЛАЩЕНКО,
горный инженер.

Салашенко, И. Былое и думы (Штрихи к портрету А. А. Ауэрбаха) / И. Салашенко // Заря Урала. – 1992. – 2 апр.